

БИБЛЕЙСКАЯ РЕЛИГИЯ в свете новейших археологических раскопок

Проф. Дитлеф Нильсен*

Начиная с середины прошлого столетия, в результате археологических раскопок в Ассирии и Вавилоне было обнаружено большое количество древнесемитических текстов, относящихся к последним тысячелетиям дохристианской эры.

Здесь были проведены успешные работы, имевшие целью проследить соприкосновение между древней культурой Двуречья и культурой западных стран, расположенных у Средиземного моря; эти работы дали основание признать Палестину, начиная со 2-го тысячелетия до нашей эры, сферой непосредственного подчинения вавилонской культуре.

Явное родство удалось установить и в отношении религии. Было выдвинуто утверждение о наличии прямой линии развития, ведущей от Вавилона к Библии. В начале текущего столетия при обсуждении так называемой проблемы «Вавилон-Библия» этот вопрос дискутировался с большой страстностью в многочисленных популярных трудах.

Однако, как уже тогда было подчеркнуто автором настоящей статьи, эта родственность была сильно преувеличена. «Вавилонизм» исходил из правильных наблюдений, однако давал им во многих случаях неправильное толкование. Точки соприкосновения имели свое основание не в позаимствовании одним народом у другого, а являлись результатом происхождения от общего, значительно более примитивного корня, нежели высокоразвитая религия Вавилона.

Кроме того, это соприкосновение носило лишь периферийный характер. Отдельные имена вавилонских богов, мифы или сказания, как, например, рассказ о великом «потопе», перешли в Палестину,

* Проф. Д. Нильсен (Ditlef Nielsen, Kopenhagen)—директор Копенгагенской библиотеки, видный ученый по вопросам семитических религий.

исходит, из аллювиальных земель Вавилона; однако центральная черта ветхозаветной религии ведет не к сложному религиозному учению Вавилона, а к примитивной древнеаравийской религии, которая постепенно известной в результате обнаружения подлинных документов, что, правда, имело место лишь в течение последних пятидесяти лет.

* * *

Многочисленные вновь открытые древнеаравийские надписи, относящиеся к первому тысячелетию до нашей эры (делу расшифровки предшествовал содействие также и русский ученый, акад. И г н а т и й Г р а м м а т к о в с к и й), свидетельствуют о наличии у арабов культуры и религии, которые должны рассматриваться, как первоначальная форма всех прочих семитических культур и религий¹.

Очевидно при изучении древнеаравийского культа небесных светил исследователи исходят из вавилонского прообраза, между тем (как это уже подчеркивал в своих прежних трудах автор настоящей статьи) древнеаравийский культ носит совершенно иной характер.

Так как правильное понимание истории развития древнесемитической религии — относя сюда и схему развития библейской религии — сводится на признание этого факта, то представляется необходимым еще раз кратко упомянуть здесь о наиболее важных расхождениях, существовавших между вавилонской и древнеаравийской религиями.

В противоположность сложной вавилонской астральной религии является тенденция определить более простую древнеаравийскую религию как примитивный культ природы. Поскольку же в аравийских пустынях и степях главную роль среди объектов природы играли небесные светила, — поклонение природе носило характер культа небесных светил.

Из числа небесных светил здесь обожествлялось значительно большее количество, нежели в Вавилоне. Только луна, солнце и планета Венера являются здесь предметом религиозного культа в виде самостоятельных, индивидуализируемых образов отца, матери и сына. Как показывают новые тексты, обнаруженные в Рас-Шамра, остальные звезды, правда, также являются богами, *elim*, однако они образуют компактную, не индивидуализируемую массу *elim*. «собрание богов» (по-аккадски *puhur ilani*, по-еврейски *šarai el*). *sba'jšps*, «воинство солнца» (по-еврейски *šeba'ha-šamajim* «божество неба») и, как низшие, безымянные божества подчиняются главной великой паре богов, луне и солнцу, в качестве их «сыно-

¹ См. в особенности, следующую литературу: Fr. H o m m e l — Ethnologie der Religionen des Alten Orients, München 1904, 1926 («Handbuch der Klassischen Altertumswissenschaft», 1-я часть, I том, 3-й раздел); Ditlef Nielsen — Der einheitliche Gott in religionshist. Beleuchtung, I том, Kopenhagen 1922 г. (II и III т.т. в подготовке); Ditlef Nielsen — Der geschichtliche Jesus, München 1928 г. («Ras-Šamra Mythologie und biblische Theologie». Leipzig, 1936 («Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», XXI, 4).

вей». Хотя и они называются богами, однако имя (nomen proprium «бог», El (Il) носит только верховный лунный бог, точно так же, как и его супруга, солнечная богиня-мать, носит имя Elat (Pat).

Среди этих «сыновей бога», bn'l (по-еврейски bene'elim или bene (ha-) 'elohim) особым культом пользовалась только ярко сияющая звезда Венера, как «первородный» (bkr) или «возлюбленный» (idd. mad) сын бога. Только это светило имеет особую божественную функцию в этой религии. Только ему одному среди многочисленных сыновей бога воздавали почитание, как сыну божьему, особенно близкому к отцу. И только этот сын носил особые имена. В качестве бога природы его называли 'Attar ('Aštar), «звезда Венера» с каким-либо эпитетом. Однако в семейной мифологии богов его почетное имя было обычно—просто «сын божий».

Точно так же, как среди многочисленных богов только один носит и м я «бог», так и среди многочисленных сыновей божьих только один называется и м е н е м «сын божий».

В древнесарабской религии этот сын божий вместе со своим отцом и матерью образуют древнейшую святую троицу—отец-сын-мать. сохранившуюся во всех производных формах древнесемитических религий, включая и религию израильтян, позднее же проявляющуюся в христианстве, как отец-сын-святой дух.

* *
* *

Эта простая триада богов весьма далека от пространного вавилонского пантеона с его толпой богов и богинь, однако основное различие все же лежит не в этом, а в определенной линии развития, которая, к сожалению, еще не в достаточной степени оценена учеными.

Семитические пришельцы в Двуречье, которые довели до полного расцвета вавилонскую культуру и религию, принесли с собою в качестве религиозного наследия своих отцов упомянутую выше примитивную астральную триаду богов; вместе с тем, однако, они переняли и иное религиозное наследие, позаимствованное от более ранних несемитических сумерийских жителей Южного Вавилона.

Природные условия этой страны резко отличались от условий, характерных для природы Аравии.

Недостача воды и неплодородие почвы как в те времена, так и сейчас являются характерной чертой обширных аравийских пустынь и степей, тяготеющей над всей жизнью арабов. Между тем, в Южном Вавилоне вода имеется в избытке. Евфрат и Тигр с их многочисленными каналами не только обеспечивали исключительное плодородие почвы и создавали изумительную и роскошную растительность, но путем отложения ила способствовали образованию всего Южного Вавилона¹.

Отсюда понятно, что богом-творцом, создавшим в начале все в мире, здесь первоначально явилось олицетворение пресной воды:

¹ Уже в исторические времена в устьях обеих рек образовалась площадь новой наносной земли, превышающая всю Данию.

земной матерью-богиней, оплодотворяемой этим богом, здесь была четырехрожденная земля, сыном же их—бог произрастания, Таммуз. В противоположность древнеарабской небесной триаде богов здесь, таким образом, сложилась первоначально триада богов земного происхождения. В соответствии с этим первоначальной родиной людей служил не небесный рай, как это имело место у древних семитов, а (согласно второй версии библейского сказания о сотворении мира, —Быт., II—III) земной сад, который делал плодотворным земные реки. Сам человек—не небесного происхождения, а, подобно ему почти утвари шумерийцев, сотворен богами из земли (глины) (см. Быт., II). Поэтому уже с самого начала у него не было ни вечной жизни, ни надежды обрести ее после смерти. Как существо, рожденное из земли, он после смерти возвращается в землю¹.

С этой земной исходной точки у вавилонских семитов начинается процесс развития, в результате которого, как это было правильно подчеркнуто оксфордским профессором С. Лангдоном, местонахождение богов, в соответствии с воззрениями семитов, оказалось перенесенным на небо, и все более и более стал подчеркиваться их астральный характер, пока, наконец, вся религия не вылилась в наблюдение за звездами и учение о звездах, т. е. в астрономию и астрологию.

Наряду с луной, солнцем и Венерой в огромный астральный пантеон включаются и другие планеты и неподвижные звезды и даже кометы и метеоры. Простой первоначально культ природы превращается в чрезвычайно сложную астральную теологию, и спекулятивная философия пытается объединить в единообразную систему около 5 000 имен разнообразных богов, относящихся к различным стадиям развития религии².

Хотя таким путем процесс развития происходил в направлении от земли к небу, это развитие все же не выходило за пределы культа природы, причем в результате длительной богословской спекуляции, продолжавшейся многие тысячелетия, этот культ природы привел к беспредельному политеизму (многобожию).

Многочисленные попытки внести в религию этический элемент и монотеистическое понимание божества, встречающиеся в гимнах и молитвах, оказались поэтому не в состоянии вывести религию за пределы этих границ.

Как и повсюду в древности, луна, солнце и звезды рассматривались в Вавилоне, как одушевленные и человекоподобные существа. В мифологии они наделяются человеческими свойствами, в искусе-

¹ См. S. Langdon—Sumerian epic of paradise, the flood and the fall of man, Philadelphia 1915 (Univ. of Pensylv. publications, vol. 10, Nr. 1).

² «Понятие о вечной жизни появилось в Вавилоне поздно. Подобное представление не могло считаться возможным у шумерийцев, все отношение которых к человеку определяло его как прах земли, в которую он должен неизбежно вернуться».

³ S. Langdon—Tammuz and Ishtar, Oxford. 1914, p. 49, 106 и сл. (особенно гл. V—«Tammuz and Innini as astraldeities», pp. 159—184). «The mythology of all races», vol. 5, «Semitic», Boston 1931 (особенно гл. II—«The Sumero-Babylonian Pantheon», pp. 88—165).

стве же изображаются, как люди; главное внимание, все же, сосредоточивается во все возрастающей мере вокруг астральной стороны их природы, которой они никогда не лишаются.

* * *

В религии древних арабов процесс развития мифологии происходит в противоположном направлении.

Этот процесс ведет от неба к земле, от видимого звездного бога к невидимому этическому богу, который заключает союз с земным общественным коллективом и, таким образом, как бессердечный, пристрастный бог представляет собою резкую противоположность вавилонскому богу вселенной. Рамки религии, построенной на поклонении природе, сломлены, но они сменились узкими границами, определяемыми жизнью арабского племени. Бог перестал быть звездным богом, или богом природы, став вместо этого богом племени и народа.

В древнеарабских надписях верховный бог, как бог народный, лишается своего лунарного и универсального характера и приобретает особое национальное имя, характеризующее его, как бога и отца данного народа. За ним следует богиня-мать, олицетворяющая собою мать народа, и первородный небесный сын божий, воплощением которого является личность царя, который таким путем превращается в земного, национального бога.

Связующим звеном между созвездием и общественной группировкой (племя, народ) является отмеченная выше примитивная астральная семейная мифология. Не только звезды, но и люди являются физически потомками небесной пары богов.

В примитивной религии племени или народа бог не является производителем и отцом всего человеческого рода; он—предок и отец данного общественного коллектива, благосостояние которого является, поэтому, его главной задачей.

На этом родстве строится затем вся религия, в то время как в Вавилоне родственная связь между богом и человеком нарушается тем обстоятельством, что бог «сотворил» человека, а не «произвел» его.

Бог почитался здесь не как «отец», а как «царь» и «господин».

* * *

Правильное понимание этого процесса развития, происходившего внутри древнеарабской и древнесемитической религий, сразу разрешает различные загадочные явления в истории религии древних семитов.

1. Это развитие объясняет, например, почему древнеарабская религия столь резко отличается от вавилонско-ассирийской религии хотя бы собственными именами богов.

В течение 50 лет исследование клинописной литературы сосредоточилось, в частности, на обработке особой группы собственных имен, в которых обычные астральные имена божества встречаются

как составная часть весьма редко, зато значительно чаще применяются обозначения степени родства, простое имя *ilu*, «бог», или другие равнозначные определения, приписывающие богу этические свойства.

Эти собственные имена ведут свое начало от семитических, а не вавилонско-ассирийских элементов населения, которым давались разнообразные названия, а именно: южноарабские, арабские, хананейские, ирамейские, западносемитические, восточнохананейские, протоарамейские, аморейские племена и т. д.¹

Неудачность в выборе названий для этих групп населения, которые, хотя и жили в различных местностях и в разные времена, но все же имели общие черты, указывает, насколько беспомощны в определении этих чужих племен были авторы данных названий, жившие в период — или на границе — господства клинописной литературы.

Где бы эти неаккадские собственные имена ни встречались, на севере или на юге, в древние или поздние времена, бесспорно одно: они возникли из древнеарабской религии и носят на себе ее отпечаток. Здесь ясно отражается линия развития, характерная для этой религии.

Общезвестно, что в древности арабы непрерывающимся потоком перекочевывали из сирийско-аравийских степей в плодородные, богатые водой культурные области, расположенные у северной границы Аравийского полуострова. Все северные семитические народности, происхождение которых может быть исторически установлено, перекочевали из Аравии.

Эти пришельцы из пустыни зачастую миролюбиво проживали рядом с северосемитическими культурными народами, являясь полубедуинами или торговцами, нередко организованными в самостоятельные торговые колонии; при случае, однако, если старые государственные образования оказывались в достаточной степени одряхлевшими, они завоевывали их силой оружия, основывая вместо старых новые государства, как, например, Израильское царство в Палестине, или создавая новые династии, вроде известной династии Хаммурапи в Вавилоне.

В обоих случаях они довольно быстро перенимали более высокую северосемитическую культуру, весьма медленно отказываясь, однако, от религии своих праотцев. Известно, что в истории культуры наиболее консервативным элементом является религия, в пределах же этой последней, в свою очередь, консервативным фактором, никогда не успевавшим за религиозным развитием, являются собственные имена богов.

Поэтому географическим носителям этих собственных имен можно давать различные названия. Но с точки зрения истории религии все эти названия относятся к сфере древнеарабской религии.

¹ Хороший, ориентирующий по этому вопросу обзор дает P. D h o r m e — Les Amorhéens, «Revue Biblique». Tome 37 (1928), pp. 63—79, 160—180. Tome 38 (1930), pp. 168—178, Tome 40 (1931), pp. 161—184 (особенно — том 37, стр. 65, 78, 160—165, том 40, стр. 183).

Носители этих имен или их предки перекочевали в свое время из Аравии.

* *

2. Эта линия развития объясняет и тот бросающийся в глаза и прежде непонятный в древнеарабской религии факт, что в позднеарабской, послехристианской, доисламской религии сохранились лишь незначительные остатки культа звезд, в то время как в дохристианский период она была, как видно из надписей, ярко выраженной астральной религией. Дело в том, что и здесь с течением времени звездные боги замещались племенными богами¹ и, как об этом свидетельствуют древнеарабские надписи, этот процесс развития происходил с достаточной интенсивностью еще в дохристианский период.

Правда, богиня-мать, Šams (солнце) и сын божий Allar (звезда Венера) обычно выступают здесь под астральными именами, однако верховный бог, как отец племени и народа, уже в древнейших памятниках сохранил свой астральный характер в столь незначительной степени, что его первоначальное лунарное происхождение было установлено исследователями только в течение последних лет.

* *

3. Наконец, эта же линия развития обеспечивает нам возможность установить отыскиваемую в течение продолжительного времени связь между израильской и древнесемитической, так называемой «языческой» религией.

Правда, церковная догматика отрицает эту связь, однако, подобно тому как роялисты обычно бывают «plus royaliste que le roi même» («больше роялисты, чем сам король»), и церковь по многим вопросам изменяет учение библии в духе церковных учений.

Если семитолог будет присутствовать в Европе на современном еврейском богослужении, то, независимо от еврейских традиций, он на основании научных исследований сможет высказать следующее суждение.

По языку и религии родину этих людей нужно искать не в Европе. Они в свое время должны были перекочевать из тех областей Передней Азии, где в древности имелись семитические поселения. Так как еврейский язык весьма близок к финикийскому, то родину евреев, по всей вероятности, следует искать недалеко от финикийских городов южной части Средиземноморского побережья Сирии.

Действительно, евреи сохранили о своей первоначальной родине определенную историческую традицию, которая, как известно, подтверждает эту точку зрения.

Если мы таким же образом поставим вопрос, откуда появились те финикийцы и израильтяне, которых мы застаем в древности на Средиземноморском побережье, то семитолог, знакомый с новей-

¹ По суждению большинства ученых, древнеарабский бог первоначально является племенным богом.

ими археологическими находками и исследованиями, подобным же образом констатирует, что родина обоих народов находилась где-то южнее, в пределах господства древнеарабской религии.

Об этом же свидетельствует и большое количество деталей в языке религии древних финикий и израильтян.

Историческая традиция, освещающая первоначальную религию и первоначальную родину израильско-иудейского народа и нашедшая свое отражение в Ветхом завете, дает на этот вопрос тот же ответ.

* * *

Прежде всего, Иисус Навин (XXIV, 2, 14—15 и др.) ясно подчеркивает, что древние израильтяне и их предки некогда поклонялись другим богам.

Каковы же были эти боги?

Это были—луна, солнце и звезды, «все вопиство небесное», как это достаточно часто упоминается в Ветхом завете (третья кн. Царств, 2, 21). Культ звезд, не являвшийся чем-то специфически израильским, а бывший уделом всех народов под небесным сводом» (Второз. IV, 19, XVII, 3 и др.), представлял собою, по видимому, то же примитивное поклонение звездам, которое было обрисовано нами выше и которое хватывало весь мир на известной ступени развития человеческой культуры.

Исследователи Библии не обращали достаточного внимания на эти отчетливые указания, поскольку в Библии сохранилось очень мало прямых следов астрального культа.

Тот факт, однако, что вся древнеизраильская религия совершенно так же, как и древнеарабская, к о с в е н н о возникла из культа звезд, в котором боги постепенно теряли свою астральную оболочку, продолжая существовать, как невидимые этические и индивидуализированные образы,—не был признан до настоящего времени.

Между тем, Библейская традиция утверждает единодушно по поводу, что еврейский народ, как об этом подробно сообщается в Пятикнижии, во 2-м тысячелетии до нашей эры перекочевал в Палестину из Аравии и принес с собою оттуда своего народного бога, причем Ягве имел первоначально свое местонахождение не в Палестине, а на святой горе С и н а й в Северной Аравии¹.

Уже то обстоятельство, что верховный бог древних израильтян, как народный бог, носит особое имя, в то время как в качестве универсального бога он называется, как и у древних арабов, просто «бог», El (Elohim), ясно указывает, что Ягве стоит в одном ряду с прочими древнеарабскими народными богами.

У древнеизраильского верховного бога имеется еще и то общее с древнеарабским верховным богом, что его первоначальное лунарное

¹ Cp. D i t t e f N i e l s e n—The site of the Biblical Mount Sinai, a claim for Petra, Copenhagen, 1928. The Mountain Sanctuaries in Petra and its Environs. Journ. of the Palestine Oriental Society», vol. XI, 1931, p. 237, vol. XIII, 1933, p. 185.

происхождение установлено учеными только за последнее время. так как о нем напоминает лишь небольшое количество рудиментарных остатков.

У древних израильтян этот верховный бог первоначально не был единым богом. Наряду с ним выступают, так же, как и в древнефиникийских надписях, другие боги, 'elim, которые тоже называются «сыны божьи», bene'elohim и в некоторых местах Ветхого завета еще отождествляются со звездами, с «небесным воинством», seba'ha-sama'im. Однако они постепенно теряют свой астральный характер и появляются, как «ангелы», mala'kim, или «посланцы» бога.

Мать этих сынов божьих в официальной ветхозаветной религии исчезла, оставив, однако, многочисленные следы своего существования. Издавна, например, установлено, что олицетворенная божественная «мудрость», женственная Нома, упоминаемая в «Притчах» (гл. 1—9) является остатком культа первоначальной богини-матери.

Со стороны ученых встречаются попытки отождествлять эту первоначальную израильскую богиню-мать с вавилоно-ассирийской богиней-матерью Ištar-'Astarte¹, что, однако, неправильно.

Иштар есть и остается звезда Венера, никогда не теряющая астральной стороны своего существа. Богиня же, о которой идет речь, была первоначально идентична с той богиней, которая под именем Ашера многократно упоминается у древних израильтян в Ветхом завете в качестве «языческой» богини и под этим же именем встречается в древнеарабских и древнефиникийских надписях, как богиня солнца и невеста лунного верховного бога. Затем она постепенно, так же, как и ее супруг, теряет свой астральный характер, продолжая существовать, как невидимая индивидуализированная богиня-мать, рядом с богом-отцом.

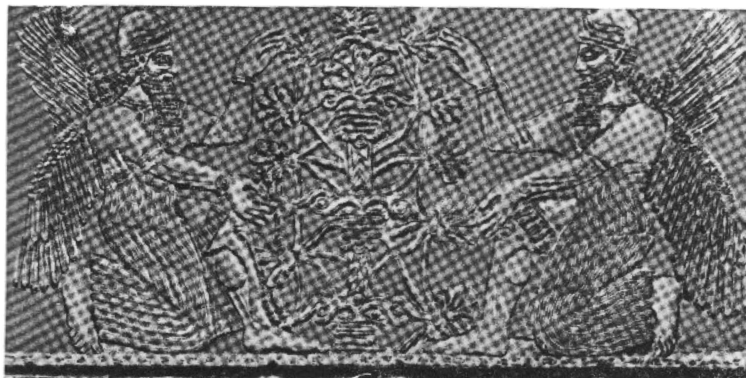
Чтобы доказать это тождество, автор настоящей статьи собрал целый ряд данных, которые он предполагает опубликовать в другой связи. В данном месте необходимо лишь указать вкратце, что женское имя Нома (с окончанием женского рода) соответствует мужскому имени Никм, «мудрый», что в древнеарабских надписях является эпитетом верховного лунного бога².

* * *

Подобные остатки политеизма, остатки божеств, которые в качестве отца, матери и сына родственны человеку, часто встречаются как в Ветхом, так и в Новом завете. В отдельных случаях можно еще распознать их первоначальное астральное происхождение.

¹ См., например, Dietrich—Theol. Studien und Kritiken, 1908, S. 475—512 (особенно S. 476—481, 500—503, 507—512) и G. Bostrem—Proverbiaalstudien, Acta Universitatis Lundensis, Nova Series XXX, 1934, S. 1—181; Нома является у еврейства, в качестве невесты бога, первоначальной богиней... заменой «потерянной» Астарты (S. 14, 172—173).

² См. «Handbuch der altarab. Altertumskunde» I, Kopenhagen 1927, S. 215. Эти связанные друг с другом мужские и женские имена, как, например, «бог» и «богиня» (может быть, также Ašer и 'Ašerat), определяют оба верховных божества, как связанных друг с другом супругов.

Священное дерево с двумя керубами или ангелами, снимающими, по видимому, плоды. Обычный семитический мотив о небесном саде. Ассирийский алебастровый рельеф. Британский музей

Многие библейские мифы и сказания становятся понятными лишь в этом освещении. Обычно в основе их лежит древнеаравское религиозное мировоззрение. Если в том или в ином отдельном случае может быть констатировано наличие вавилонской окраски, то она имеет явно характер вторичного явления и последующего наслоения. Насколько существенным образом обнаруженные памятники меняют наше понимание библейской истории, будет показано в дальнейшем изложении на примерах библейских сказаний о сотворении мира и о рае.

* *
*

Первые страницы Ветхого завета принадлежат к произведениям народной литературы. Можно с уверенностью утверждать, что сказания о сотворении мира, о рае и грехопадении в гораздо большей степени возбуждали человеческую фантазию, нежели какой-либо другой рассказ Нового завета, тем более, что эти сказания рассматривались евреями и магометанами, как священные.

Они являются не только исходной точкой церковного мировоззрения и христианской теологии, но служат также зачастую мотивом для произведений поэзии и искусства. Поэтому каждый новый вклад в их понимание может наперед рассчитывать на живейший интерес.

В то время как в прежние времена сменявшие друг друга поколения вкладывали в библию свое собственное мировоззрение, в новейшие времена историческое исследование библии сделало попытку вернуться к ее первоначальному смыслу.

Анализ источников, при помощи которого Пятикнижие было разложено на ряд отличных друг от друга литературных произведений, вскоре установил, что сказание о сотворении мира, изложенное в гл. I Бытия, относится к так называемому Жреческому кодексу. В то время как второй вариант изложения того же события, со входя-

щим в его состав рассказом о рае, во 2-й и 3-й главах относится к источникам более древнего, в большей степени народного происхождения.

Крупный немецкий теолог Г е р м а н Г у н к е л ь стремился найти в литературных произведениях, составляющих библию, путь, ведущий к выделению отдельных рассказов, которые жили в народных преданиях своей самостоятельной жизнью, до тех пор пока они не оказались объединены в библию в более крупные литературные произведения. Он доказал на основании этих рассказов наличие в библии древнего, доеврейского мифологического элемента, сглаженного и затемненного впоследствии монотеистическим еврейством.

Так как до последнего времени единственным почти источником изучения доеврейской семитической мифологии являлись вавилонские и ассирийские надписи, то Гункель имел возможность рассматривать первые страницы библии с точки зрения доеврейской мифологии преимущественно с помощью этого именно материала. Он проделал эту работу сначала в составившем эпоху произведении «Сотворение и хаос» («Schöpfung und Chaos», 1895), а затем в своих больших комментариях к Книге бытия, вышедших в 1902 г. уже вторым изданием.

Истекшие 30 лет дали нам новый и весьма важный материал по этому вопросу. В первую очередь новые открытия в области культуры древних арабов ознакомили нас с примитивной культурой и религией, которые являлись первоначальной основой как высокоразвитой вавилоно-ассирийской цивилизации с ее сложной мифологией, так и позднейшей библейской религии. Здесь мы добрались до первоначального общесемитического пласта, объединяющего семитическую, а вместе с ней и библейскую мифологию с той разновидностью мифологии, связанной с культом природы, которую можно наблюдать еще и теперь в примитивных культурах.

* * *

В результате раскопок, предпринятых в течение последних восьми лет французскими археологами в Рас-Шамре, на северном побережье Сирии, вблизи древней Л а о д и к и е и (Latakia), был обнаружен древний финикийский город У г а р и т с храмовыми архивами и мифологической литературой, относящейся ко 2-му тысячелетию до нашей эры, т. е. к периоду, на тысячу лет предшествовавшему библейской литературе; происхождение найденной литературы, так же точно, как и библейской, относилось, однако, ко временам значительно более ранним.

Отсюда следует, что финикийцы, подобно евреям и другим северо-семитическим народам, первоначально перекочевали в северные культурные области из Аравии. Из своей родины они принесли с собою древнеаравскую религию, известную нам в настоящее время из многих тысяч каменных памятников, относящихся к временам древней Аравии. В северных районах эта религия видоизменилась, превратившись в ту именно религию, которую мы называем сейчас финикийской, еврейской и аккадской (ассиро-вавилонской) религиями.

*Ангел с птичьей головой подносит священный плод.
Ассирийский алебастровый рельеф в Национальном
музее в Копенгагене*

Та стадия развития мифологии, которая подтверждается найденной в Угарите литературой, представляет собою мост между древнеаравской и библейской мифологиями, отсутствовавшее до настоящего времени звено (missing link), соединяющее эти обе формы религии.

В религиях, возникающих на более высоких ступенях культурного развития, человек, как и другие живые существа, а также небо и земля, «сотворен», т. е. создан, богом или богами из имевшегося вещества (сотворение из ничего, creatio ex nihilo, является более поздней догматической спекуляцией).

Стадией, предшествовавшей этому сотворению, является «рождение», встречающееся в большинстве религий, построенных на культе природы и, как пережиток, — наряду с представлением о сотворении, — также и в различных религиях, возникших на более высокой ступени культурного развития.

Первобытные народы знают только один источник жизни, а именно: рождение. Точно так же, как этим путем постоянно приходят на свет люди, была рождена богами и первая человеческая пара; таким же образом родились низшие боги от высших, верховная же пара богов является истоком всей жизни, ибо к общей семье богов относятся

также и звери, населяющие небо и землю. Достигнув этой высшей пары богов, размышления прекращаются. Это пара всегда существовала, как и небо и земля, являющиеся ареной жизни.

Подобное «учение о рождении» с парой верховных богов встречается как в древнеарабской, так и в древнефиникийской религиях времен У г а р и т а. Кроме того, здесь, как и в других примитивных религиях, построенных на поклонении природе, верховной парой богов первоначально считаются солнце и луна, от которых произошли все живые существа. Звезды, движущиеся вдоль небесного свода, вместе с луной и солнцем также принадлежат к этим живым существам и называются, как это мы часто встречаем в отдельных местах Ветхого завета, «сыновьями божьими».

Уже в этой форме религии, признающей «рождение» вместо сотворения, встречается тенденция к постепенному превращению небесных светил в индивидуализированные существа, пока они, в конце концов, совершенно не отрываются от своей первоначальной основы. Они, собственно говоря, являются не абстрактными, невещественными существами, а человекоподобными личностями, населяющими небо, как единая семья, в которой луна является отцом, солнце—матерью, многочисленные же звезды—божьими детьми, ангелами или низшими божественными существами, которых иногда, правда,—как и в Ветхом завете,—называют богами, но которые все же не носят, как бог-отец, имени «бог».

* *
*

Эти семитические астральные боги носят у римлян постоянное название aeternus, т. е. «вечный». Звезды не исчезают, не умирают, как люди, а следуют вечно по своему пути, в то время как поколения за поколениями вымирают на земле, сменяясь новыми. Если эти астральные боги воспринимаются, как индивидуализированные, человекоподобные существа, то естественно должен возникнуть вопрос: почему же эти небесные существа в состоянии вечно жить?

Миф, всегда дающий ответ на подобного рода вопросы, разъясняет причину этого явления.

У первобытных народов жизнь обуславливается постоянным приемом пищи. Если нет еды—умирают. На небе имеется чудесное дерево, «дерево жизни», приносящее плоды, вкушение которых постоянно обновляет жизнь. Под различными названиями в разных религиях этот небесный плод хорошо известен, как не теряющее своей силы средство омоложения богов. Недостаточно, однако, того, чтобы боги вкусили его однажды; нет, они должны пользоваться им постоянно. Поэтому именно германские боги, когда у них были отняты я б л о к и «И д х у н», состарились и стали близки к смерти; они ожили опять лишь после того, как Л о к и принес им эти яблоки обратно.

В семитических религиях приходится часто встречать как в изображениях, так и в текстах подобное «дерево жизни», относящееся к древнейшим временам, т. е. к периоду за тысячелетия до нашей эры. Как правило, оно охраняется херувимами или крылатыми ангелами и находится в небесном саду богов, о котором упоминается

Длиннобородый ангел ассирийского типа со священным плодом (плодом дерева познания?). Ассирийский алебастровый рельеф. Лувр

также и в более поздних текстах. Оно хорошо известно и Библии, где упоминания о «древе жизни» встречаются, начиная с первой и до последней страницы. Это дерево встречается уже в саду Эдем или в раю 2-й и 3-й глав кн. Бытия; по Иезекилию (XXVIII, 13) и по Откровению Иоанна этот рай находится на небе и соответствует небесному саду богов, существующему в других религиях. Здесь растет чудесное «дерево жизни» (Апокал., 22, 2), это «дерево жизни, находящееся в раю божьем» (Апокал., 2, 7).

Конечно, в различных религиях разновидность плода меняется. Если это дерево не изображается у семитов в виде стилизованного фантастического растения, оно, как правило, имеет вид финиковой пальмы.

* * *

Не в одной только вечной жизни заключается разница между небесным и земным существом. Если постоянно наблюдать звездное небо, то можно вскоре заметить, что небесные существа, движущиеся

там наверху, не только продолжают жить, когда земные существа умирают, но, в отличие от детей земли, они не размножаются.

Семь светящихся существ, которые образуют семь светил созвездия, не превращаются с течением времени в четырнадцать или двадцать восемь; вечерняя или утренняя звезда, упоминаемая в преданиях предков, страстно в одиночестве и не размножается. Звезды не вступают в брак. Не вступают в брак и звездные боги и ангелы, поэтому, естественно, они и не имеют детей.

В угаритских текстах, так же, как и в библейских, звездные боги или ангелы всегда выступают, как «сыновья божьи», и иногда, как «дочери божьи». Поэтому возможность брака на небе исключается, и только лишь в одном месте Ветхого завета эти «сыновья божьи» женятся, да и то на «дочерях человеческих»; таким образом, повидимому, Ветхий завет исключает возможность существования женственных ангелов или брака на небе. В кн. Бытия VI, сказано: «И увидели сыновья божьи дочерей человеческих, что они прекрасны, и брали их себе в жены». Новый завет своим образным языком говорит (Марк, 12, 25), что на небе не существует брака. Поэтому и у Луки (20, 34—36) сказано: «Дети века сего женятся и выходят замуж. А сподобившиеся достигнуть того века и воскресения мертвых, ни женятся, ни замуж не выходят». Это обосновывается тем, что, как ангелы, или «сыновья божьи», они обладают вечной жизнью, а потому отпадает необходимость продолжения жизни путем размножения.

«И умереть уже не могут, ибо они равны ангелам и суть сыновья божьи».

* * *

Деторождение, соединенное с вечной жизнью, первоначально повидимому, составляло привилегию верховной пары богов, и брака которых, согласно текстам, найденным в Угарите, произошло на заре времени многочисленные звездные дети, населяющие в громадном количестве небо. В Библии ни разу не встречается упоминания о сотворении ангелов, сыновья же божьи, наоборот, существовали уже до сотворения мира (Иов, XXXVIII, 7).

Богиня-мать исчезла из официальной библейской религии и может быть обнаружена лишь в отдельных местах в завуалированной и редуцированной форме. Точно так же в Библии ничего не говорится о рождении ангелов. Однако из выражения «сыновья божьи», которым часто определяются ангелы, следует предположить, что они происходят из доеврейской религии, где эти божьи дети называются как сыновьями богини-матери, так и «сыновьями бога», и где их рождение точно описывается. Рождение такого бесконечного количества детей от одного брака, по понятиям человека, столь же чудесно, как и вечная жизнь. В первобытные времена у семитов, вероятно, постоянно возникал вопрос о причинах этого явления, ибо различные мифы дают ответ на этот вопрос.

Мифологический эпос, обнаруженный при раскопках в Рас-Шаму, объясняет огромную плодовитость богов определенным образом.

Два женских ангела у (стилизованного) небесного дерева. Ассирийский алебастровый рельеф. Бригганский музей. Лондон

Однако в древнеарабской религии должен существовать и другой вариант, объясняющий рождение верховной парой богов бесконечного множества детей вкушением плода, который обладает свойством способен стимулировать производительную силу. Такие плоды хорошо известны в семитических и библейских преданиях, и изображения небесного сада богов показывают, что здесь, кроме «дерева жизни», существовало еще дерево с такими любовными плодами, которые представляли жизненную необходимость для божественных отца и матери, но были «табу» для их детей, не предназначенных для вступления в брак или познания тайны половой любви.

В различных семитических языках как в настоящее время, так и в древности половые сношения определяются, как «познание» женщины, поэтому вполне естественно назвать такое дерево деревом «познания».

Читатель, не совсем еще забывший свои первые детские знания, примет уже из этого краткого изложения материалов новых текстов, что в настоящее время у нас имеются новые, до сих пор отсутствовавшие условия для суждения о библейском рассказе относительно райских дерева жизни и дерева познания, поэтому связанные с ними предположения предстают в совершенно новом свете.

Сообразно естественным условиям существования звездных богов и исходя из аналогичных явлений в других религиях, следует прийти к выводу, что подобных два дерева должны были расти в саду богов для того, чтобы можно было объяснить себе вечную жизнь звезд и огромную производительную способность верховной пары богов. Отношение людей к этим деревьям является остроумной попыткой

объяснить разницу, существующую между небесными и земными детьми божьими. Основным воззрением древнесемитической религии является следующее: человек произошел путем рождения от верховного бога, являющегося, таким образом, физически его отцом и родоначальником. Небо является первоначальной родиной людей: там родоначальник людей жил, как сын божий, среди других сыновей божьих до тех пор, пока он не поселился на земле.

На горизонте, где небо сходится с землею, имеется мост, соединяющий небо и землю. Здесь, где постоянно в поволунье встречаются месяц и солнце, происходит священное брачное соединение—*hierogamos*, играющее столь большую роль в религиях всего мира, ибо здесь—первоисточник жизни. Здесь рождаются все дети бога и здесь находится также сад богов со священными деревьями—библейский рай.

* * *

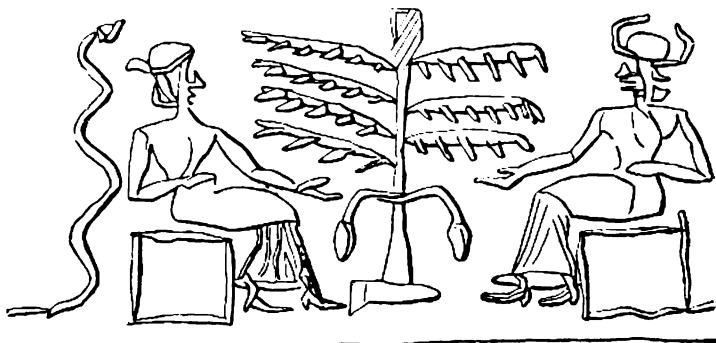
Если, таким образом, человек, как и другие божьи дети, является существом небесного происхождения и обладает божественной природой, то как случилось, что его судьба оказалась столь отличной от судьбы других детей божьих? Почему он не обладает вечной жизнью, как небесные дети божьи? Почему он имеет вместо этого особый дар—способность к размножению, которая на небе присуща только верховному богу? И почему его родиной является уже не небо, а земля?

Миф, переданный нам во 2-й и 3-й главах кн. Бытия, дает на эти вопросы остроумный ответ.

Правда, здесь речь идет о сотворении первобытного человека, а не о его божественном рождении, однако во многих местах Библии отражены еще основные древнесемитические воззрения, согласно которым человек первоначально был рожден богом, и в вариантах, посвященных его возникновению, как будто имеются еще намеки на его первоначальное рождение.

В книге Иова (XV, 7—8) указывается, что первый человек, подобно Адаму в кн. Бытия (гл. II и III), принадлежал к окружению бога и там «захватил познание»; однако, кроме этого и в противоположность библейскому рассказу о сотворении, в книге Моисея говорится, что он был не «сотворен», а «рожден» или «произведен» еще до того, как были созданы горы, т. е., что он существовал, подобно ангелам или божьим детям, ранее сотворения земли. По еврейским преданиям, в жилах Адама текла кровь вечного бога, ангелы являются небесной, «высшей» семьей бога, подобно тому, как люди являются его земной семьей. Подобное представление встречается также и в Новом завете (Посл. к ефес., 3, 15), где бог выступает в качестве отца как небесных, так и земных детей.

Многое в народном варианте рассказа о сотворении в кн. Бытия (гл. II) еще напоминает о первоначальном рождении, в частности, хотя бы то, что в нем, в отличие от более позднего варианта этого рассказа (в гл. I) и от других доеврейских семитических мифов

Вавилонская цилиндрическая печать, обычно толкуемая, как «рекопадение». Дерево, очевидно, хвойное. Справа—мужская фигура, слева—женская, позади нее змея

о сотворении мира, речь идет о сотворении неба и земли. Арена человеческой жизни здесь предполагается та же, что и в мифе о рождении.—здесь сообщается только о возникновении человеческого существа.

Уже давно было установлено, что в данном случае мы имеем перед собою фрагмент чрезвычайно древней, но сильно поблекшей мифологии. Подобно тому, как первоначальное небесное происхождение, олицетворенное рождением от бога, превратилось здесь, в соответствии с сумеро-вавилонскими воззрениями, в сотворение из комка земли, в результате чего человек оказался происшедшим от земли (что противоречит основному библейскому представлению, признающему первоначальной родиной людей небо, куда оно и заставляет их вернуться обратно),—романтический сад богов на востоке у небесного горизонта, великолепие которого описано в других местах Библии такими яркими, фантастическими красками, превращается здесь в прозаический мещанский садик «на востоке». Небесные реки превращаются в земные потоки. Всемогущий творец изображается, как связанный с землей человек, который выходит погулять в сад, лишь когда наступает вечер, и ему перестает мешать солнечная жара. Он собственноручно изготовляет одежды из шкур для Адама и Евы, помогает им одеться и т. д. Однако, несмотря на это, суть рассказа показывает, что мы имеем здесь дело с большой мифологической драмой, которая должна объяснить существующее положение людей и дать ответ на упомянутые существенные вопросы.

Хотя в события включаются и земные дела, мы все же пребываем на небесах. Бог находится на небе и нет и речи о сошествии его на землю, как об этом часто говорится в дальнейшем. Адам и Ева находятся также на небе, и поселение их на земле, в земных условиях, относится лишь к тому времени, когда они были изгнаны из сада Эдема.

Как небесные дети бога, они имеют беспрепятственный доступ к «дереву жизни» с его постоянно обновляющими жизнь плодами,

но не к «дереву познания»¹, плоды которого имеют жизненное значение для верховной пары богов, но не дозволены божьим детям. Отсюда запрет: «не вкушать» плодов этого дерева. Нарушить это запрещение значит преступить закон, обязательный для обитателей неба, что влечет за собою изгнание.

Таким образом объясняется, почему человек потерял свою первоначальную родину и навсегда обречен жить на земле.

На основе этого «грехопадения» Павел строит впоследствии свое учение о первородном грехе, прощение которого не могло дать и распятие Христа и который навсегда отделил людей от бога.

Однако это учение нельзя найти ни здесь, ни в другом месте Ветхого завета; нет его и в трех первых евангелиях. Вкушение «запретного плода» является чисто рационалистическим объяснением того факта, что человек не живет больше на своей первоначальной небесной родине.

В продолжение тысячелетий ученые теологи и глубокомысленные философы напрягали всю свою проникательность и изощрялись для того, чтобы разгадать, что же это собственно было за «познание», которое здесь запрещалось. Только излагаемое ниже понимание смысла плода «познания» и его действия даст единственно правильное и простое объяснение, которого всегда придерживалась и еврейская теология, точно так же, как и позднейшее народное христианское понимание; вместе с тем оно соответствует также и тому представлению о грехопадении, которое мы наблюдаем в искусстве.

Познанием здесь является половое познание, эротическая страсть и производительная сила. Плод познания впервые пробудил эротические чувства у Адама и Евы. До вкушения плода они были наги, не зная, однако, чувства стыда; после же вкушения они стали стыдиться друг друга и сделали себе пояса из фиговых листьев. Только после вкушения плода Адам и Ева имели сношения, результатом которых явилось деторождение. Уже само выражение, определяющее эти сношения: Адам «познал» жену свою Еву (начало 4-й главы), показывает, что «познание» и «познавать» имеют одно и то же половое значение, свойственное этим словам вообще как в еврейском, так и в других семитических языках.

Праотец людей «захватил» на небе способность к деторождению, которая, по небесным законам, была предоставлена только верховному богу. Поэтому он был изгнан оттуда и потерял при этом навсегда доступ к «дереву жизни» с его даром омоложения.

Таким образом давалось простое и понятное для первобытного народа объяснение разницы между небесными и земными условиями существования.

Человек не имеет неограниченной личной жизни, какой обладает

¹ Дополнительные слова: «добра и зла» (tov wa ra) П р о к ш справедливо понимает, как пояснительное толкование, не относящееся к первоначальному тексту. Пов (15, 8) называет познание, о котором здесь говорится, одним словом «мудрость» — Ноқта (а не знание добра и зла). Верховный бог, которому дозволено вкушение плода познания или мудрости, называется поэтому «мудрым» (Шукт).

дети божьи, или неограниченной производительности с безграничным количеством детей, рождаемых в одном поколении, какой обладает сам бог. Однако во время своего пребывания на небе, временно вкушив плоды обоих деревьев, он приобрел для себя личную жизнь ограниченной продолжительности и ограниченную силу производительности. Соединением этих двух ограниченных свойств человек достиг неограниченного, хотя и не личного, а родового бессмертия через детей, внуков и правнуков и так до бесконечности, что явилось заменой личного бессмертия, существующего только на небе.

Первоначальной предпосылкой этого мировоззрения является, в противоположность Библии, не один бог, являющийся первоисточником жизни, а пара богов, состоящая из мужчины и женщины. Древнеарабские надписи и новые тексты, обнаруженные в результате археологических раскопок в Рас-Шамре, пространно рассказывают о верховной паре богов (причем, как правило, первоначальный лунарный образ отца, как и в Библии, называется кратко «бог») и о первоначальной солнечной богине-матери, от которой можно иногда найти лишь рудиментарные остатки.

Если, например, бог говорит (Быт., III, 21): Адам обладает теперь познанием, как «один из нас»,—то здесь под словом «нас» подразумевается не одно лицо, а имеется в виду наличие божественной пары. В Бытии, I, 26, бог говорит: «Сделаем человека по нашему образу и подобию». О значении этой фразы было много споров. Следующий стих поясняет ее смысл: бог создал мужчину и женщину. Подобие богу выражается в том, что человек, который, согласно стиху 28, должен населять землю, так же точно, как верховная пара богов населяла небо, представляет собою мужчину и женщину, обладающих способностью к размножению.

Рассказ об Адаме и Еве, по которому они являлись первоначально ангелами и детьми божьими, также предполагает, что ангелы здесь являются женскими и мужскими существами, лишенными, однако, внутреннего полового влечения или производительной силы.

И для этого утверждения можно найти доеврейские, древнесеMITические параллели. На древнеарабских памятниках, где божество еще не приобрело определенного человекоподобного образа, ангелы изображаются, как крылатые, странные, фантастические существа («херувимы»), полулюди, полужвери и, повидимому, бесполое. Под влиянием северосеMITической религии, соответствующей более высокому культурному уровню, они стали изображаться как на вавилонских или ассирийских рельефах, так и позднее—в изображениях христианской религии, как правило,—в виде человеческих мужских или женских крылатых существ.

Основное представление о них остается, повидимому, то же, что и в Библии,—они не вступают в брак и не размножаются, в эротическом отношении они живут еще в состоянии детской невинности, как Адам и Ева до вкушения ими плода «дерева познания».